

С мрачным выражением лица Цинь Цзюнь поднялся на трибуну. Он с негодованием смотрел на Тан Бая, ненависть в его глазах была настолько густой, что казалось, она вот-вот прольется.

— ...Извините. — Прошептал он и поспешно положил микрофон на место, собираясь уходить.

К удивлению зрителей, Тан Бай поднял свой рупор, навел его на Цинь Цзюня, прокашлялся и с яростью сказал:

— Это все? Это все?!

Звонкий и красивый голос, усиленный громкоговорителем, разнесся по всему кампусу. Множество глаз устремились к лидеру болельщиков, недоуменно смотря на огорченного и несчастного омегу.

Стоявшие позади него омеги переглянулись и, набравшись смелости, начали дружно кричать в свои мегафоны:

— Это все! Это все?!

Звонкий лозунг был коротким, мощным и слаженным.

Омеги громко крикнули, а затем смело посмотрели на зрителей. Они ожидали увидеть осуждение и презрение, но снизу на них смотрела толпа альф с тупым выражением лица.

Альфы были в замешательстве.

Цинь Цзюнь тоже был в замешательстве.

— Ты небрежно к этому относишься и даже не можешь понять, в чем ошибся. Мне не нужны твои дешевые извинения. — Тан Бай вскинул голову, в его ярких глазах виднелось презрение и в то же время проскальзывало упорство.

Он поднял громкоговоритель и серьезно сказал:

— Я считаю, что всем присутствующим нужно узнать, что ты сделал. Своими словами и действиями ты опозорил невинного омегу, ты постоянно притесняешь студентов-простолюдинов, ведешь себя непристойно и нарушаешь правила. Тебе нужно извиниться перед омегами и простолюдинами!

Тун Мэн, стоящий позади Тан Бая, на мгновение замер, безмолвно смотря на фигуру омеги. В его голове всплыли слова, которые им недавно сказал Тан Бай. «Если вы всегда будете смущаться и жеманничать — люди будут смотреть на вас сверху вниз. Поднимите голову, выпятите грудь и стойте с прямой спиной. Если вам кто-то нравится — любите, если вам кто-то не нравится — ненавидьте. Какого черта, мы, омеги, не можем сказать прямо —

«Мы ненавидим альф, которые не уважают омег!»

Люди смотрели на юношу с приподнятыми бровями и напряженной нижней челюстью. Он делал, что хотел, на его лице читалась неприкрытая агрессия. Но эта агрессия не вызывала никакого дискомфорта, а напротив, только делала его похожим на оскаливающегося котенка.

Так красиво... пронеслось в голове у всех присутствующих.

При этом он был прав. Все учащиеся, которых притеснял Цинь Цзюнь, начали

перешептываться, им нетерпелось подняться и поддержать Тан Бая.

Лицо Цинь Цзюня несколько раз поменяло цвет. Он сжал кулаки и уставился на острого на язык омегу.

Черт побери! Если бы он не опасался того, что Тан Бай расскажет об изнасиловании омеги...

Смотря на толпу зрителей, в особенности на Се Рухэна в фаланге факультета мех, Цинь Цзюнь с трудом подавил в себе ненависть и с трудом сказал:

— Вчера вечером, из-за моих неподобающих слов, я навредил Тан Баю из Школы Этикета и Се Рухэну с факультета мех. Сейчас, я хочу извиниться перед вами.

Тан Бай не успокоился:

— О? Ты имеешь в виду, что другие омеги, которых ты оскорбил, не нуждаются в извинениях? Что простолюдины, которых ты угнетал, не нуждаются в извинениях?!

Ясные глаза юноши как будто видели черно-белый мир. Он был так хорошо защищен, что на нем не появилось ни единого темного пятна.

Что было еще более редким — в отличие от большинства аристократов, презирающих обычный народ, Тан Бай никогда не относился к ним предвзято. Его мир был полон свежих цветов, драгоценностей, сладких десертов и теплоты, заставляя людей увлечься до самозабвения.

□ Вау, неожиданно он оказался тем еще перцем чили! □

□ Цинь Цзюнь — выпустился из моей старшей школы. Он постоянно играл с чувствами простых омег. Соблазнял их, а потом относился с презрением. Когда их родители приходили в школу, чтобы разобраться — он говорил омегам перевестись из школы. Не думал, что занимается этим по сей день... □

□ Я наконец-то смог увидеть, как Цинь Цзюнь получает по заслугам. Разве семья Цинь не супербогатая и не дружит с кучей других влиятельных семей Федерации? Я не думал, что кто-то решится не смотреть на лицо семьи Цинь.

□ Мой любимый дорогой лапочка! Я так его люблю! □

□ Лицо Цинь Цзюня потемнело □

.....

Цинь Цзюнь стиснул зубы, его глаза пылали злобой, и он с ненавистью смотрел на Тан Бая.

Но Тан Бай ничуть не испугался и даже непринужденно похлопал в ладоши, после чего стоящие позади омеги дружно крикнули:

— Не нужно? Не нужно!

Тан Бай, который принес с собой свой собственный bgm, мило улыбнулся Цинь Цзюню.

Разве ты не слишком много о себе возомнил?

Разве ты не считаешь мой свет омег плебеем?

Разве не презираешь омег и студентов-простолюдинов?

Давай, продолжай. Не вставай на колени.

Улыбка Тан Бая была приторно сладкой, он по-прежнему выглядел, как очаровательный, сладкий и милый омега, но его янтарные глаза были холодными, как лед.

Огромное чувство унижения накрыло Цинь Цзюня, он сжал кулаки и бесчисленное количество ядовитой брани подступило к его губам—

Но он не мог ничего сказать.

Потому что этот омега — единственный потомок семьи Тан, любимый внук дедушки Тана и будущая невеста Гу Тунана из семьи Гу. Если он посмеет что-то устроить — он навлечет на себя гнев обоих семейств.

Гневные упреки отца снова прозвучали в его ушах: «Ты что о себе возомнил, разве посмел связываться с Тан Баем?! Из-за тебя адмирал Гу перекрыл межзвездные пути для наших грузовых кораблей! Болван!»

Сжимая кулаки все сильнее, Цинь Цзюнь чуть не раскрыл себе зубы, пытаясь проглотить ругань, которая рвалась изо рта. Он подавил вспышку гнева и сказал:

— Я также хочу извиниться перед всеми, кому я навредил.

Глядя на огромную толпу людей, в особенности на Се Рухэна, стоящего в первом ряду фаланги факультета мех, он едва смог сдержать ненависть.

Заставить Цинь Цзюня извиняться перед этим парией было для него наказанием хуже, чем смерть. Его лицо кривилось, он долго молчал и наконец, с позором и унижением, произнес:

— Извините.

Вещь, о которой Тан Бай мечтал, когда читал книгу, наконец-то сбылась. Его свет омег, свет омег, с которым несправедливо обращались только из-за его происхождения, наконец-то получил заслуженные извинения.

Тан Бай поднял свой рупор и посмотрел на Се Рухэна вдали. Его сердце заныло и взгляд смягчился, он тихо спросил:

— — Одноклассник Се Рухэн, тебе есть что сказать?

В палящем свете солнца Се Рухэн посмотрел на Тан Бая и когда их взгляды встретились, он мог видеть только сияющего Тан Бая. Краем уха он слышал перешептывания вокруг:

— Этого омегу зовут Тан Бай?

— Он такой милый, кажется я влюбился.

— Он же тоже аристократ? Кто бы мог подумать, что дворянин будет защищать простолюдинов.

— Впервые вижу такого крутого омегу.

.....

Инкрустированный алмазами рупор был оснащен системой полета и прилетел прямо в руки Се Рухэна. Он поднял громкоговоритель и на него упало бесчисленное количество взглядов, но на этот раз в душе Се Рухэна не было злобы, потому что он знал, что среди миллионов взглядов один из них принадлежит Тан Баю.

Красивый, черноглазый, черноволосый и стройный курсант держался с достоинством, без высокомерия и заискивания:

— Цинь Цзюнь, ты называешь простых студентов неполноценными людьми и не хочешь находиться с нами в одной школе, но знаешь ли ты сколько павших героев ценой своей жизни и крови создали нашу Федерацию, чтобы сегодня обычные люди могли учиться?

Своими черными, как смоль, глазами он пристально смотрел на Цинь Цзюня и решительно сказал:

— Мы ничуть не хуже других, мы будем копьем и щитом нашей страны, защищая народ и защищая Федерацию.

С торжественным и благоговейным выражением лица он сжал левую руку в кулак и трижды ударил себя в грудь. Это был древний церемониальный жест, означающий абсолютную преданность.

Громкоговоритель исправно передавал приглушенный звук того, как Се Рухэн бьет себя по груди—

Бам. Бам. Бам.

Словно биение сердца.

Значение этого жеста можно кратко объяснить одной фразой: «Тому, кому принадлежит моя верность, я отдаю свое сердце.»

Горячая речь и чувственный ритуал задела большое количество курсантов, и они один за другим они начали бить себя в грудь, словно в боевые барабаны.

Вне зависимости от того, издевался ли над ними Цинь Цзюнь или это были простолюдины, которые никогда его встречали — все эти ученики совершали старейший обряд верности.

Один, два, десять, тысяча...

Мощь Се Рухэна и тех людей, которых презирал Цинь Цзюнь, потрясла даже военных командующих, которые смотрели прямой эфир, не говоря уж о самом Цинь Цзюне, который уже пребывал в тревоге.

Глядя на сплотившихся воедино простых студентов, кровь отхлынула от лица Цинь Цзюня, его губы задвигались, он не мог ничего из себя выдать.

Ситуация вышла из-под контроля, если он не принесет искренние извинения, когда Тан Бай узнает о том, что он изнасиловал омегу, ему крышка...

У всех на виду, Цинь Цзюнь, упав духом, склонил голову и дрожащим голосом сказал:

— Я сейчас...приношу извинения оскорбленному омеге и всем простолюдинам, которым я навредил.

Сказав это, он молча наклонился, поднял два пальца и приложил их к центру между бровями.

Все присутствующие зашумели.

Потому что смысл этого жеста был: «Господь, прости меня за мои грехи, а если не простишь — покинь меня.»

Этот надменный альфа, в сей раз действительно склонил голову.

Се Рухэн, разрушивший боевой дух Цинь Цзюня, выглядел очень спокойным и серьезным.

Неизвестно, кто из альф захопал первым, но постепенно к нему присоединилось все больше студентов. Некоторые кричали «Се-гэ крут!», кто-то говорил: «Се-гэ должен стать председателем» ...

Тан Бай ладонями закрыл лицо и сияющими глазами смотрел на Се Рухэна, его сердце размякло и в голове у него был полный хаос. Достоинство нашего света омега! Он такой супер-мега-красивый аааааааааа!

Он начал возбужденно бросать в толпу лепестки роз из своей корзины, одуряющий аромат роз и лепестки обрушились на альфа снизу.

Се Рухэн задрал голову и тихо смотрел на Тан Бая, его глаза жадно наблюдали за ярким, сияющим юношей, за тем, как светились его янтарные глаза, ярче, чем любой драгоценный камень.

Это маленький самоцвет, который блистает ради него.

Гу Тунан стоял рядом с Се Рухэном, его серо-синие глаза в растерянности смотрели на омегу на сцене — уверенного, независимого, яркого, но при этом отстранённого. Омегу, идеально подходящего его вкусу.

Омега, который любил его всей душой, наконец-то стал тем, что ему нравится, но в то же время это разбило ему сердце.

В его глазах промелькнула тоска и сожаление. Гу Тунан впервые ощутил едкий вкус горечи. Как он мог отталкивать от себя омегу, который так сильно его любит, подталкивать его к другому альфе?

Глядя на то, как Тан Бай улыбался Се Рухэну, ладонь Гу Тунана медленно сжалась.

— По-видимому, студент Цинь Цзюнь глубоко осознал свои ошибки, и я надеюсь, что все студенты воспримут это, как урок. Важно не только учиться, но и уметь уважать омега. — Мягко заговорил ректор, ставя точку всему происходящему.

Мать Цинь Цзюня, смотрящая прямой эфир, вздохнула с облегчением, но не успела она обрадоваться, как услышала звон—

Отец Цинь Цзюня с невозмутимым лицом разбил чашку!

— Зачем ты ее разбил? Разве все уже не закончилось? Ректор уже объявил, что дело закрыто,

почему ты так сердишься? — Пожаловалась мать Цинь Цзюня и погладила себя по груди.

— Да что ты понимаешь, омега! — Начал орать отец Цинь Цзюня. — Все улики находятся в руках семьи Тан, в любое время они могут захотеть свести старые счеты, или ты можешь помешать им вызвать полицию?! Будь прокляты семьи Тан и Гу, пусть они не думают, что могут так легко с нами покончить!

— Куда ты?

Оглянувшись и мельком посмотрев на свою рыдающую жену, отец Цинь холодным голосом сказал:

— Куда еще я могу пойти? Приберусь за твоим глупым сыном!

Речь директора продолжалась:

— Я завидую вам, когда проходила наша церемония вступления — у нас не было такой невероятной группы поддержки. Если бы была, то я бы обязательно занял первое место.

Он посмотрел на сияющего и радостного, уверенного в себе юного омегу, а затем на неугомонных и нетерпеливых альфа-студентов, и не смог удержаться от смеха:

— Хорошенько проявите себя, засранцы, не упадите в грязь лицом перед омегами, которые пришли поддержать вас!

Курсанты прерывисто закричали в ответ, и в старых глазах ректора появилась улыбка.

Я правда завидую вам, сопляки. В свои лучшие годы вам повезло встретить омегу, который всю вашу жизнь будет заставлять биться ваши сердца.

Даже если вы не сможете добиться его благосклонности, вспоминая свою юность, вы всегда будете помнить это изумительное время.

<http://bllate.org/book/15734/1408453>